

Глава 12

ЦЕНА СЛАВЫ В ВОЙНЕ БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Революция 1917 г. выдвинула из армейской среды целую плеяду блестящих молодых дарований. К их числу относились белый генерал Пепеляев и красный маршал Тухачевский. На фронте судьбы этих полководцев мимоходом скрестились всего один раз — осенью 1919 г., когда колчаковские войска предприняли последнюю отчаянную попытку остановить большевистское наступление на реке Тобол...

ПЕПЕЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Пепеляев родился в Томске 3 июля 1891 г. в семье генерал-лейтенанта русской армии. Пойдя по стопам отца, он закончил Омский кадетский корпус и Павловское военное училище в Петербурге. Службу начал в 42-м Сибирском стрелковом полку в должности младшего офицера пулеметной команды.

С началом Первой мировой войны подпоручик Пепеляев перевелся в конную разведку, где быстро выдвинулся благодаря своей отчаянной храбрости. К моменту выхода России из войны он имел звание подполковника, был награжден золотым Георгиевским оружием и восемью боевыми орденами (включая почетный орден Св. Георгия 4-й степени).

Анатолий Николаевич с одобрением встретил Февральскую революцию, надеясь, что падение самодержавия приведет к новому взрыву патриотических настроений. Дей-

ствительность оказалась иной: разложение армии и выход России из войны, по собственному признанию, вселили в его сердце «чувства тоски и безнадежности». Пепеляев вернулся в Томск. Здесь в феврале 1918 г. он вступил в ряды нелегальной офицерской организации и вскоре стал одним из ее руководителей.

Мятеж чехословацкого корпуса послужил толчком к выступлению всех антибольшевистских сил Сибири, Урала и Поволжья. 27 мая группа Пепеляева свергла Советскую власть в Томске, а после того как Временное сибирское правительство приступило к формированию собственной армии, Анатолий Николаевич получил назначение на должность командира 1-го Сибирского стрелкового корпуса. В короткое время отряд из нескольких сотен добровольцев и мобилизованных офицеров превратился в мощное войсковое соединение, которое сумело овладеть Красноярском, Иркутском, Верхнеудинском, Читой и соединиться с казаками атамана Семенова.

Однако осеннее контрнаступление большевиков заставило их противников оставить Поволжье. Пытаясь перекрыть проходы в Уральских горах, белые образовали несколько фронтов, один из которых — Лысьвенский — возглавил Пепеляев. Последующие события, связанные с провозглашением Колчака верховным правителем России, несколько не пошатнули служебное положение Анатолия Николаевича. Более того, вскоре он превратился в одного из кумиров колчаковских войск.

В декабре 1918 г. в 40-градусный мороз 15-тысячный корпус Пепеляева перевалил через Уральский хребет и, прорвав линию фронта, обрушился на Пермь. В городе располагались штаб 3-й армии красных, две дивизии (29-я и 30-я), артиллерийская бригада, а также многочисленные склады с боеприпасами и обмундированием. Белые стремительно атаковали с разных сторон и, овладев центральными улицами, повели наступление на вокзал. Лыжники полковника Зинкевича налетели на позиции артбригады, захватили около 30 орудий и, развернув их, открыли огонь по красным.

В течение одного дня Пепеляев захватил один из крупнейших городов Приуралья и затем еще в течение трех недель наносил удары по отступающим дивизиям противника. Учитывая, что численность 3-й армии красных за это время сократилась с 35 до 11 тыс. штыков и сабель, можно говорить о ее полном разгроме. Лишь прибытие из Москвы многочисленных подкреплений и грозной комиссии в составе Сталина и Дзержинского помогли стабилизировать линию фронта и остановить белых на подступах к Вятскому укрепрайону.

Пермская операция принесла Анатолию Николаевичу широкую известность и репутацию одного из лучших белых военачальников. Тем не менее исход борьбы на Восточном фронте решился не под Пермью и Вяткой, а гораздо южнее. В июне 1919 г. войска Фрунзе форсировали реку Белую и овладели Уфой. Колчаковский фронт зашатался, и хотя Пепеляев на севере, в свою очередь, захватил Глазов, этот локальный успех уже не мог спасти белых от катастрофы...

Увлекаемый общим потоком корпус Пепеляева отступал на восток, огрызаясь от наседающего противника. В этой критической ситуации Анатолий Николаевич действовал с таким мастерством, что верховный правитель рискнул именно на него сделать свою последнюю ставку. Пепеляев получил звание генерал-лейтенанта и стал командующим 1-й Сибирской армией, во главе которой предпринял попытку контрнаступления на реке Тобол. Поначалу операция развивалась успешно, однако вскоре захлебнулась из-за массового дезертирства насильно демобилизованных крестьян. Пепеляев получил приказ погрузить остатки войск в эшелоны и перебросить их в Барнаул, Томск и Красноярск для пополнения новобранцами и организации нового фронта.

Однако массовое дезертирство продолжалось. На хвосте висела 5-я армия Тухачевского, с флангов атаковали партизанские отряды, а союзники-чехи начали тайные переговоры с красными. К этому добавились внутренние неурядицы. С подачи старшего брата Виктора (назначенного новым главой сибирского правительства) Анатолий Николаевич арестовал командующего колчаковскими войсками

генерала Сахарова и потребовал от верховного правителя создать «кабинет общественного доверия». В обстановке победоносного наступления красных подобная склока выглядела, мягко говоря, неуместно и в конце концов закончилась примирением братьев Пепеляевых с Колчаком. Впрочем, это примирение уже ничего не решало...

Вскоре Пепеляев-старший попал в руки большевиков и вместе с Колчаком был расстрелян на берегу Ангары. Что касается Пепеляева-младшего, то он еще пытался безуспешно организовать оборону своего родного Томска. 20 декабря 1919 г. в город ворвалась 30-я дивизия красных под командованием Альберта Лапина. В свое время эта дивизия была жестоко поколочена Анатолием Николаевичем под Пермью, но теперь сполна рассчиталась за поражение. В Томске красные захватили свыше 30 тыс. пленных и богатые трофеи. Сам Пепеляев успел выбраться из города, но вскоре свалился в сыпном тифу и в крестьянской одежде был вывезен своими подчиненными в Китай. Началась эмиграция...

Обосновавшись в Харбине, Пепеляев женился на дочери железнодорожного мастера и устроился работать извозчиком. Однако, будучи по природе настоящим бойцом, он отнюдь не смирился с поражением и мечтал о реванше. После получения известий об антибольшевистских выступлениях в Якутии, Анатолий Николаевич согласился возглавить отряд, посланный на помощь повстанцам. Финансировал экспедицию эмигрантский Сибирский комитет, согласившийся выделить для этой цели 500 тыс. рублей золотом из колчаковских запасов, вывезенных в Японию.

В сентябре 1922 г. Сибирская добровольческая дружина Пепеляева (750 штыков при 2 пулеметах) высадилась в поселке Аян и двинулась вдоль побережья Охотского моря. Анатолий Николаевич рассчитывал пополнить свой отряд за счет местных повстанцев, овладеть Якутском, а затем двинуться на Иркутск. В перспективе этот план давал возможность заново начать Гражданскую войну в Сибири, в случае же неудачи оставался шанс прорваться обратно в Китай.

После взятия Охотска дружина повернула в глубь Сибири и, проделав 500-километровый марш через тайгу и болотные топи, подошла к поселку Нелькан. Здесь выяснилось, что якутское восстание фактически потерпело поражение, а большевики успели занять последние опорные пункты белых на Тихоокеанском побережье — Владивосток и Петропавловск-Камчатский. Однако после недолгих колебаний Пепеляев решил продолжать наступление.

5 февраля 1923 г. батальон полковника Рейнгардта захватил пригород Якутска, слободу Амгу, ставшую главным опорным пунктом дружины. Местные большевики объявили город на осадном положении и приготовились к обороне. Со всех сторон на помощь Якутску устремились разрозненные отряды красных.

Ночью 13 февраля дружинники генерала Вишневого напали на зимовье Сасыл-Сыса (Лисья Поляна), в котором расположился один из таких отрядов под командованием латыша Яна Строда (около 300 человек). Белые аккуратно сняли часовых и рассредоточились по зимовью, забирая оружие у спящих красноармейцев. Однако захваченный спросонья противник не проявил никакого желания сдаваться без сопротивления. В чумах и у костров разгорелись рукопашные схватки, в течение нескольких минут переросшие в настоящее ночное побоище. Каждый из бойцов Строда имел при себе по несколько ручных гранат, которые тут же пошли в ход. К рассвету усеянная трупами Лисья Поляна осталась за красными.

Подоспевший с основными силами Пепеляев предложил Строду сдаться, дав на размышление 5 часов. За это время красные успели соорудить вокруг зимовья своеобразный вал, используя в качестве прикрытия даже заледевшие тела убитых. Очередные попытки овладеть Сасыл-Сысой вновь натолкнулись на жестокий отпор и привели к большим потерям с обеих сторон.

Потеряв у злополучного зимовья драгоценное время, Пепеляев дал противнику возможность собраться с силами. На помощь Строду устремились отряды Курашева и Байкалова. Дружине пришлось сначала отступить от Са-

сыл-Сысы, а затем оставить Амгу и начать отступление к побережью Охотского моря. Вновь начался полный лишений марш через зимнюю тайгу, тяжесть которого усугублялась тем, что теперь это был марш побежденных.

17 июня 1923 г. разместившиеся в порту Аян остатки дружины были атакованы красным десантом под командованием Вострецова. Будучи блокирован в своем штабе и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, Анатолий Николаевич предпочел сдаться.

Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке завершилась, причем, с легкой руки писателя А. И. Алдан-Семенова, операция по уничтожению дружины Пепеляева получила в советской историографии название «похода за последним тигром».

Военный трибунал 5-й армии приговорил Анатолия Николаевича к расстрелу, замененному впоследствии 10-летним заключением в Ярославском политизоляторе. После двух лет одиночки бывшему генералу разрешили работать плотником, столяром и стекольщиком. Кроме того, он имел возможность получать письма из Харбина — от жены Нины Ивановны и сыновей Всеволода и Лавра. В 1936 г. (с опозданием на три года) Пепеляев вышел на свободу и устроился работать на Воронежскую мебельную фабрику. Впрочем, свободой ему довелось наслаждаться недолго.

20 августа 1937 г. Анатолий Николаевич был арестован по обвинению в «руководстве крупной разветвленной контрреволюционной кадетско-монархической организацией на территории Западно-Сибирского края». При полном отсутствии каких-либо вещественных доказательств Пепеляев был приговорен к смертной казни и 13 января 1938 г. расстрелян в подвале новосибирского Управления НКВД.

ТУХАЧЕВСКИЙ

Михаил Николаевич Тухачевский родился 4 февраля 1893 г. в селе Александровское Дорогобужского уезда Смоленской губернии в старинной, но обедневшей дворянской семье. Родитель его категорически отвергал все

формы религии, считался либералом и, демонстрируя презрение к предрассудкам, женился на собственной служанке. Не удивительно, что при отце, дворянине-атеисте, и матери, происходившей из крестьянского сословия, мировоззрение Миши Тухачевского весьма отличалось от взглядов, традиционных для аристократической среды. Такие понятия, как монархия и православие, отнюдь не внушали ему особого трепета, однако, поставив себе целью сделать военную карьеру, юноша научился довольно ловко скрывать свои истинные чувства.

В 1914 г. Тухачевский окончил Александровское военное училище в Москве и как лучший на курсе получил право свободного выбора места службы. В звании подпоручика Михаил Николаевич был зачислен в один из наиболее привилегированных полков русской армии — лейб-гвардии Семеновский. Начавшаяся Первая мировая война представила честолюбивому офицеру прекрасную возможность ускорить свое продвижение по службе.

2 сентября 1914 г. 7-я рота семеновцев под командованием капитана Веселаго и его заместителя Тухачевского с боем форсировала реку Сан по подожженному австрийцами мосту и благополучно вернулась на восточный берег с трофеями и пленными. Михаил Николаевич за этот подвиг получил орден Св. Владимира 4-й степени с мечами. В течение последующих месяцев имя отважного и энергичного подпоручика Тухачевского стало довольно известным в полку. В ближайшей перспективе уже маячило внеочередное повышение в чине, однако внезапно эта надежда рухнула. 19 февраля 1915 г. 7-я рота была окружена германцами и почти полностью уничтожена в ходе ночного рукопашного боя. В момент, когда противник начал атаку, Тухачевский спал в небольшом окопчике. Выскочив из укрытия, он успел сделать несколько выстрелов из револьвера, однако быстро был сбит с ног и оглушен.

Пять раз Михаил Николаевич пытался вырваться из плена и в конце концов попал в баварскую крепость Ингольштадт — место заключения самых неисправимых бег-

лецов. Здесь он содержался вместе с русскими, английскими, бельгийскими и французскими офицерами (в числе последних находился и будущий президент Франции Шарль де Голль), но столь приятная компания отнюдь не заставила нашего подпоручика отказаться от своего замысла. Заключенные получили право на прогулку за пределами крепости при условии, что они дадут письменное обязательство не предпринимать попыток к бегству. Дав требуемое обещание, Тухачевский при первой же прогулке улизнул от сопровождавшего его пожилого полицейского. Беглец сумел добраться до нейтральной Швейцарии, а затем через Францию и Англию прибыл в Петроград.

В ноябре 1917 г. (уже после большевистского переворота) Тухачевский объявился в родном Семеновском полку, где был избран командиром роты. Приняв сторону нового режима, бывший офицер царской гвардии вступил в РКП(б), успел поработать в Военном отделе ВЦИК и военным комиссаром Московского района, а в июне 1918 г. стал командующим 1-й армией Восточного фронта.

Почти сразу после вступления в должность Тухачевский получил возможность продемонстрировать свою преданность Советской власти. 11 июля командующий фронтом М. А. Муравьев поднял антибольшевистский мятеж. Михаил Николаевич отказался поддержать выступление, за что был арестован и едва не поплатился жизнью. К счастью для него, вечером того же дня Муравьев погиб во время перестрелки в здании Симбирского губисполкома, а освобожденный Тухачевский вернулся к исполнению своих обязанностей.

8 сентября 1-я армия выбила войска Комитета Учредительного собрания (Комуча) из Симбирска. Михаил Николаевич тут же отправил Ленину (на которого незадолго до этого было произведено покушение) верноподданническую телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!». Самара действительно была взята ровно через месяц, телеграмма же вошла в учебники истории.

Зимой 1918—1919 гг. боевые действия на Восточном фронте затихли, и молодого перспективного военачальника отправили на Юг — командующим 8-й армии. Впрочем, здесь он пробыл недолго. Еще до того как белые перешли в наступление, а в большевистском тылу запылали казацкие восстания, Михаила Николаевича вновь отозвали на Восток и поставили во главе 5-й армии.

Летом 1919 г. войска Тухачевского перевалили через Урал и начали активно теснить отступавших колчаковцев. В качестве последней надежды штаб верховного правителя разработал план разгрома 5-й армии под Челябинском. По отзыву в дневнике военного министра Колчака, барона А. П. Будберга, план этот предполагал «повторить Мамаево побоище с заманиванием красных в ловушку при помощи добровольного очищения Челябинского узла; считается, что красные бросятся на эту приманку, после чего их там захлопнут при помощи очень сложного маневра...». Шансы на успех Будберг оценивал весьма скептически, считая, что они заключаются лишь «в надежде на авось и заступничество Николая Чудотворца».

Скепсис министра оказался вполне оправданным, поскольку в результате чересчур «хитроумной» операции белые не только потеряли Челябинск, но и понесли одно из жесточайших поражений в истории Гражданской войны. Тухачевскому же эта победа принесла орден Красного Знамени и репутацию освободителя Сибири (с точки зрения красных, разумеется).

Михаил Николаевич пошел на повышение и с января 1920 г. возглавил Кавказский фронт, на котором благополучно сумел добить остатки вооруженных сил Юга России. В апреле он уже подписал директиву о начале вторжения в Азербайджан, однако лично возглавить операцию не успел. Способности Тухачевского потребовались на другом, и на тот момент главном фронте Гражданской войны, — Западном.

Война с Польшей стала величайшим триумфом полководца и одновременно самым жестоким его поражением. Огромную роль в печальном исходе кампании сыграли

как политические (расчет на помощь польских рабочих и крестьян), так и военные (разбросанность сил, отставание резервов) просчеты большевиков. Велика была и вина конкретных командующих фронтами и армиями.

В момент наивысших успехов Красной армии Западный фронт Тухачевского и Юго-Западный фронт Егорова образовывали по отношению друг к другу практически прямой угол. При этом Тухачевский готовился штурмовать Варшаву, Егоров — Львов. Справедливо полагая, что в момент, когда все поставлено на карту, поляки обязательно предпримут последнюю отчаянную попытку контрнаступления, Михаил Николаевич добился переброски на свой фронт 1-й Конной и 12-й армий. Однако, увлекшись боями за Львов, Егоров на несколько дней задержал отправку этих войск. С другой стороны, Тухачевский ошибочно полагал, что контрудар поляков последует на севере, в районе так называемого Данцигского коридора, через который противник получал оружие и припасы из Европы. В действительности неприятель сосредоточил свои силы на юго-западе, благодаря чему его натиск оказался не только всесокрушающим, но и внезапным.

Произошло «чудо на Висле»: Красная армия проиграла польскую кампанию, и старушка-Европа вздохнула свободнее. Тем не менее жестокое поражение в войне с Польшей отнюдь не привело к опале Тухачевского. В 1921 г. Михаил Николаевич еще дважды доказывал свою преданность Советской власти, успешно и с крайней суровостью подавляя Кронштадтское и Тамбовское восстания. Проводимая им при этом практика тотальных репрессий мрачной тенью легла на его репутацию военачальника.

Послевоенная карьера Тухачевского, хотя и без резких взлетов, но довольно равномерно шла по нарастающей. Вплоть до 1924 г. он командовал Западным фронтом, прикрывавшим границу с недавним противником, Польшей. Здесь Михаилу Николаевичу удалось разгромить белопартизанские отряды Булак-Балаховича и оттеснить их на польскую территорию.

Правда, как и в годы Гражданской войны, его отношения с комиссарским составом складывались далеко не идиллически. В 1924 г. в наркомат по военным и морским делам поступил донос от секретаря парткома Западного фронта, который обвинял Тухачевского в «неправильном отношении к коммунистам» и аморальном поведении. М. В. Фрунзе наложил на эту бумагу резолюцию: «Партия верила Тухачевскому, верит и будет верить». Более того, он добился назначения Михаила Николаевича на должность помощника начальника Штаба РККА.

Некоторые историки полагают, что в это время Фрунзе планировал военный переворот и целенаправленно расставлял своих людей на важнейшие посты в Красной армии. Следует отметить, что, при всей сомнительности подобных предположений, назначение Михаила Николаевича вполне соответствует данной схеме. Фрунзе и Тухачевский были старыми соратниками по Восточному фронту и вполне мирно делили между собой лавры победителей Колчака.

В 1925 г. Фрунзе умер при весьма сомнительных обстоятельствах, и с его смертью Тухачевский лишился влиятельного покровителя в партийном руководстве. Тем не менее Михаил Николаевич продолжал продвигаться по служебной лестнице и в 1925—1928 гг. занимал должность начальника Штаба РККА. Однако все его усилия по перевооружению армии и реорганизации органов управления натолкнулись на сопротивление наркома Ворошилова. В какой-то момент конфликт обострился настолько, что Тухачевский подал рапорт об освобождении от занимаемой должности, после чего был переведен на пост командующего Ленинградским военным округом.

Если это и считать опалой, то она оказалась весьма относительной и недолгой. В 1933 г. Михаил Николаевич получил орден Ленина и принимал праздничный парад на Красной площади, в 1934-м стал кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а 20 ноября 1935 г. вместе с Ворошиловым, Буденным, Егоровым и Блюхером был удостоен высшего воинского звания — маршала Советского Союза. Наконец 9 апреля 1936 г.

Тухачевский достиг пика своей военной карьеры — должности 1-го заместителя наркома обороны и начальника Управления боевой подготовки РККА.

Фактически Михаил Николаевич занял второе (после наркома Ворошилова) место в армейской иерархии. При этом его популярность выходила далеко за пределы страны Советов. Эффектная, хотя и неудачная, польская кампания принесла Тухачевскому известность на Западе, а многочисленные труды по стратегии и тактике укрепили за ним репутацию выдающегося военного теоретика.

Между тем даже после смерти Фрунзе и за границей, и в самом СССР с большей или меньшей степенью интенсивности муссировались слухи о возможном военном перевороте. Разница заключалась в том, что теперь в качестве претендента на роль «красного Бонапарта» чаще всего упоминали именно Тухачевского. Независимо от того, насколько эти слухи были обоснованы, они не могли не встревожить Сталина.

Сам Михаил Николаевич превратился в своеобразного неформального лидера тех военных, которые выступали за модернизацию Красной армии. Им противостояли военачальники, предпочитавшие ориентироваться на опыт Гражданской войны (Ворошилов, Буденный, Щаденко и др.).

В начале 1937 г. через президента Чехословакии Бенеша советская разведка получила документы, подтверждавшие существование в Красной армии обширного и разветвленного военного заговора. На основании этих документов были арестованы Тухачевский, а также его ближайшие соратники — Уборевич, Якир, Корк, Примаков, Эйдеман, Путна и Фельдман. В ходе скоротечного и закрытого процесса все они признали свою вину, после чего Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило их к смертной казни. Буквально через несколько часов (в ночь с 11 на 12 июня 1937 г.) приговор привели в исполнение. Кто-то из палачей рассказывал, что перед смертью осужденные кричали: «Да здравствует Сталин! Да здравствует коммунизм!».

Под молот репрессий угодили большинство родных и близких маршала — мать, братья, сестры и даже любовница (красавец Тухачевский всегда пользовался огромным успехом у женщин). В 1941 г. вместе с женами Уборевича и Гамарника расстреляли его супругу Нину Евгеньевну Гриневич. К счастью, уцелели две дочери — обе Светланы.

Согласно широко распространенной версии, все компрометирующие Тухачевского документы были изготовлены агентами гестапо с единственной целью — устранить руками Сталина наиболее талантливых советских военачальников. Существует еще одна версия: Сталин прекрасно знал истинную цену полученным документам, однако сознательно воспользовался ими для того, чтобы расправиться с потенциальной военной оппозицией. Наконец есть и третья версия: заговор существовал, Михаил Николаевич был его вдохновителем, и, следовательно, вынесенный ему приговор является абсолютно справедливым. Каждая из версий имеет своих сторонников и противников, но при этом подавляющее большинство историков сходятся на том, что останься Тухачевский в живых, он наверняка проявил бы себя как один из лучших военачальников Великой Отечественной войны. Впрочем, история не любит сослагательного наклонения, и подобный взгляд вряд ли можно признать бесспорным. Слабые места Красной армии — низкий уровень сержантского и офицерского состава, слабая тактическая подготовка, слабое взаимодействие между родами войск и т. д. — все это было очевидным и до чистки 1937 г., сигналом к которой послужило дело Тухачевского. Кроме того, основываясь на опыте Гражданской войны, Михаил Николаевич продолжал возлагать большие надежды на помощь европейского пролетариата. Надежды эти, как известно, стоили нам большой крови.

Как бы то ни было, но и до сего дня фигура Тухачевского вызывает пристальный интерес и противоречивые отзывы историков, что, как ни парадоксально, отнюдь не способствует прояснению истинного облика легендарного маршала.

Находясь по разные стороны фронта, Пепеляев и Тухачевский были людьми одного круга. И тот, и другой происходили из дворян, затем стали кадровыми офицерами, а Первую мировую войну встретили в одном и том же звании — подпоручика. Гражданская война дала им возможность выдвинуться из среды сверстников и в полном блеске продемонстрировать собственные полководческие дарования. Пепеляева называли сибирским Суворовым, Тухачевского — освободителем Сибири. Возможно, оказалась победа на стороне белогвардейцев, и они вполне могли поменяться местами, с той разницей, что Пепеляев именовался бы не маршалом Советского Союза, а фельдмаршалом Российской империи (или все-таки республики?). Победа выбрала красных, и с этого момента звезда Тухачевского круто пошла ввысь, а жизнь Пепеляева покатила под откос. Тем не менее финал этих двух столь похожих и столь разных судеб оказался одинаковым. Красный маршал и белый генерал заплатили страшную цену за собственную славу, заработанную в Гражданской войне, — войне, в которой не бывает победителей.